

Андрей СКОПЛЕВ

О ВИДОВОМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ЧЕШСКИХ АКЦИОНАЛЬНЫХ СУБСТАНТИВОВ ТИПА *NALÉVÁNÍ – NALÍTÍ*

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (38) 2017

УДК 811.162.3

Скоплев А. Про видове протиставлення чеських акціональних субстантивів типу *nalévání – nalítí*; 20 стор.; бібліографічних джерел – 40; мова – російська.

Анотація. Статтю присвячено проблемі наслідування чеськими дієслівними іменниками на *-ní/-tí* граматичної категорії виду твірного дієслова. Об'єкт дослідження становлять субстантиви у синтаксичних конструкціях, пов'язаних відношеннями трансформації із синонімічними дієслівними структурами. Проаналізовано понад 10 тисяч форм дієслівних іменників на матеріалі синхронічного корпусу чеської мови SYN. Встановлено, що форми дієслівних іменників послідовно передають видове протиставлення доконаності та недоконаності дії, а їх вживання залежить від аспектуальної семантики контексту.

Ключові слова: дієслівний іменник, категорія виду, номіналізація, аспектуальний контекст.

Проблема наследования грамматической категории вида акциональными отглагольными субстантивами на *-ní/-tí* (чешск. *podstatná jména slovesná* (глагольные существительные, далее – ГС) является одной из наиболее дискутируемых в чешском языкознании. Исследователи М. Докулл, М. Елинек, авторы классических грамматик и языковых пособий М. Чехова, Б. Гавранек, А. Едличка, Я. Балгар, Ф. Травничек решают её положительно, основываясь исключительно на факте регулярного воссоздания средствами ГС похожей парности: *nalévat* «наливать» – *nalít* «налить» → *nalévání – nalítí* «наливание»; *plnit* «выполнять» – *splnit* «выполнить» → *plnění – splnění* «выполнение» [18, с. 226–227]; [22, с. 564]; [13, с. 169]; [20, с. 268]; [26, с. 136]; [38, с. 1404]. Мнения же учёных, которые учитывают ещё и содержательную сторону искомой категории, анализируя в этой связи последовательность выражения подобными субстантивными парами значений совершенности и несовершенности действия, значительно расходятся.

Согласно С. Дику, Г. Галтону, П. Карлику, Л. Веселовской, противопоставление по виду у глагольных существительных «представлено в очень высокой степени» [16, с. 32], и, соответственно, употребление того или иного видового коррелята ГСв чешском языке непременно зависит от контекста, напр.: *Odzbrojování bojujících stran pokračuje* (актуализируется значение несовершенного вида: *Разоружение воюющих сторон продолжается*), но *Nedávné odzbrojení bojujících stran přineslo městu... pocit jistoty* (актуализируется значение совершенного вида: *Недавнее разоружение воюющих сторон принесло жителям города чувство уверенности*); аналогично *při opravování* (во время ремонта, починки), но *po opravění* (после ремонта, починки) [16, с. 26–27]; [19, с. 256]; [23, с. 21]; [39, с. 21]. Е. Махачкова, Я. Паневова, Т. А. Ацаркина, Х. Кржижкова, регистрируя случаи нарушения такой зависимости, говорят, напротив, об ослабленности видовых различий у ГС [25,

с. 276]; [28, с. 143] или вообще об их переосмыслении, перерождении в компонент лексического значения [1, с. 122–124]; [24, с. 141–143]. Ср.: *Zpracování dokladů pokračuje* (Обработка документов продолжается) вместо ожидаемого *zpracovávání*; *Účastnil se zatčení* (Он принимал участие в аресте), а не *zatýkáni*; *Při vyslovení jmen... odtrhl oči od podlahy* (При произнесении имён он оторвал взгляд от пола) вместо *vyslovování*; *donekonečna se opakující zdržení cestou* (бесконечно повторяющиеся задержки в пути), а не *zdržování* [1, с. 124]; [24, с. 142]; [25, с. 276];]. Корреляции типа *zatýkáni – zatčení*, по мнению Х. Кржижковой, передают вовсе не видовое (грамматическое), а более конкретное лексическое противопоставление многократности и единичности действия [24, с. 143].

Параллельные разыскания в словацком и польском языкознании, предпринимаемые К. Бузашиовой, Й. Дамборским, А. Отфиновским, Я. Пузыниной и М. Сотак в отношении родственных формаций на *-nie/-tie* и *-nie/-cie*, наглядно раскрывают существенный недочёт концепций богемистов, оставляющих без внимания неоднородность лексической семантики акциональных ГС, при которой далеко не каждое из них можно считать потенциальным носителем видового значения. Учёные убедительно доказывают, что формы субстантивов, соотносимые с «акциональностью» в широком смысле, в контексте часто отклоняются от исходного глагольного значения действия-процесса, обозначая отличные, так или иначе сопряжённые с ним реалии либо выступая в качестве терминов [12]; [14, с. 22–23]; [27, с. 106–107]; [30, с. 166–179]; [34, с. 12–24]. Ср.: словацк. *špecifický vzťah človeka k svetu, nazývaný estetickým osvojením* (специфическое отношение человека к миру, называемое «эстетическим усыновлением») – термин как наименование действия «неактуального», «общественно и технически незаконного» [34, с. 13–15, 23]; польск. *Anna wstydzi się swego postępowania* (Анна стыдится своего поведения,

т. е. того, как она себя ведёт) – способ осуществления действия; *Vanda dokonala kilkadziesieciu wlamai i rabunkow* (Банда совершила несколько десятков взломов и грабежей) – исчисляемые действия-ситуации, события, что подчёркивается формой множественного числа; *Zamkniecie miasta... trvalo dwa tygodnie* (Город был закрыт в течение двух недель) – состояние, наступившее после завершения действия [14, с. 23]; [27, с. 106]; [30, с. 170–171]. Приведённые смысловые модификации, по убеждению исследователей, непременно способствуют нейтрализации видовых значений у имён [27, с. 107]; [30, с. 91–92]; [34, с. 71].

Для выявления таких переосмысленных безвидовых форм ГС учёные используют метод синтаксической трансформации – в составе реальных синтаксических конструкций они не склонны трансформироваться в синонимичные структуры на базе глагола, ср.: словацк. *Pri vnimani druhych sa dopustate niekoľkych chyb* (При восприятии других людей мы допускаем несколько ошибок) ← *Ked' vnimate druhych...* (Когда мы воспринимаем других людей,...); но *Mal som porusené zmyslové vnímanie* (термин: У меня было нарушено чувственное восприятие) [12, с. 26]; [32]; [34, с. 23]. Не подлежат трансформации также вышеприведённые единицы *osvojenie, wlamania, zamkniecie*, равно как и ГС в некоторых примерах богемистов, см.: **To, že strany se odzbrojují, pokračuje; Účastnil se toho, když zatýkali?* (имеется ввиду *арест* – событие); *zdržení cestou, která se opakuje?* (повторяющиеся события). К субстантивам со значением способа действия данная операция, в целом, применима, однако она далеко не всегда однозначна: словацк. *Rychle vybavenie mojej žiadosti ministerstvom ma prekvapilo* (Быстрое удовлетворение моей просьбы министерством меня удивило) ← *To, že ministerstvo toju žiadost' rýchlo vybavilo...* (То, что министерство быстро удовлетворило мою просьбу,...) или *To, ako ministerstvo toju žiadost' rýchlo vybavilo...* (То, с какой быстротой министерство удовлетворило мою просьбу,...) [12, с. 29].

Неполнота концепций чешских лингвистов сопровождается ещё и недостаточной, на наш взгляд, аргументацией. В работах большинства из них видовая дифференциация ГС не составляет отдельного предмета изучения, а достаивается лишь попутных, фрагментарных замечаний, подкрепляемых от силы пятью примерами [1; 23; 25; 28; 39]. Применением обоснованного, методологически выверенного анализа отличаются, пожалуй, труды Х. Кржижковой и С. Дики, хотя последний тоже оперирует откровенно узкой доказательной базой, включающей всего 20 пар субстантивов [24, с. 138–141]; [16, с. 25–26]. Всё это, безусловно, придаёт затронутой проблеме ещё большую актуальность.

Настоящая статья имеет своей целью раскрыть потенциал чешских глагольных существи-

тельных на *-ní/-tí* в передаче грамматической категории вида производящего глагола. Учитывая сложность и многоаспектность рассматриваемой проблемы, окончательное решение которой объективно невозможно в рамках одной статьи, объект исследования мы сузили до субстантивов, выступающих исключительно в трансформируемых синтаксических конструкциях. Это формы, у которых обеспечивается максимально точное сохранение акционального содержания первоосновы, благоприятствующее, в свою очередь, наследованию видовых значений. На основании того, что возможности формальной реализации вида на базе ГС – регулярных дериватов, наследующих глагольную основу полностью – давно изучены и оцениваются положительно [22, с. 574–576]; [26, с. 140], предмет исследования составила содержательная сторона категории, а именно грамматическая семантика совершенности и несовершенности действия.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- сформулировать методологические принципы анализа видовой соотносительности ГС;
- уточнить сущность и границы понятия *синтаксическая трансформация*;
- установить, насколько последовательно субстантивные корреляты типа *nalévání – nalítí* выражают семантику совершенности и несовершенности действия в реальном употреблении.

Источником фактического материала послужил синхронический корпус чешского языка SYN 4-й версии [<http://ucnk.ff.cuni.cz>]. В статье использованы методы дистрибутивного анализа, синтаксической трансформации, а также метод количественных подсчётов.

В основу анализа чешских глагольных существительных на предмет наследования семантики вида положена методика, которой придерживаются богемисты С. Дики и Х. Кржижкова [16; 24]. По причине того, что видовые различия у субстантивов проступают не так отчётливо, как у глагола [9, с. 16]; [24, с. 138], учёные проводят анализ на базе специальных, «аспектуально чувствительных» контекстов, актуализирующих какое-либо одно видовое значение. Задача здесь предельно проста: выявить то, с какой степенью регулярности видовая форма глагольного существительного, унаследованная им вместе с основой производящего глагола, совпадает с аспектуальной семантикой контекста.

Отбор таких контекстов был скорректирован нами в соответствии с целевой установкой статьи. Они должны удовлетворять двум основным критериям: **1)** возможность чёткой и однозначной трансформации в структуру на базе однокоренного глагола – «эталонного» для ГС выразителя категории вида; **2)** однозначность актуализируемой видовой семантики, что подкреплялось бы употреблением в трансформированной конструк-

ции однокоренного глагола только одного (!) вида. Кроме того, для формирования максимально широкой в количественном отношении доказательной базы мы отдавали предпочтение контекстам, в которых субстантивы наиболее частотны.

Особых замечаний требует также понятие синтаксической трансформации. Будучи изначально термином теории порождающих грамматик Н. Хомского [6], данная «операция» нашла применение далеко за пределами генеративной лингвистики и легла в основу целого подхода к изучению семантики, а также синтаксических и морфологических свойств существительных *nomina actionis* как проблемного, «гибридного» разряда слов [30, с. 13–16]. Более того, ровно в тех же целях, что и у К. Бузашиовой, М. Сотака, Я. Пузыниной, трансформация используется в отношении других глагольно-именных гибридов – славянских причастий, среди которых, как известно, тоже различают два типа форм: с одной стороны, *собственно причастия*, чётко наследующие семантику глагола вместе с категориями вида, залога и времени; с другой – лишённые таковых категорий *отглагольные прилагательные*, часто обладающие модифицированной акциональной семантикой [3; 4; 10].

Интересующие нас случаи трансформаций обычно подводятся под понятие **номинализации** – процесса преобразования глагольной предикативной конструкции в грамматически зависимую именную без нарушения её предикатно-аргументной структуры: словацк. *Obvinili ma, že som nečestne konal* (Меня обвинили в том, что я поступил нечестно) → *Obvinili ma z nečestného konania* (Меня обвинили в нечестном поступке) [29, с. 33], [49]; [37, с. 185–186, 190]. Подобное «перераспределение лексических значений среди членов предложения» [17, с. 261], как правило, не затрагивает его смысловой стороны: те элементы содержания, которые по объективным причинам не находят формального выражения в пределах именной фразы (напр., субъект действия, выраженного субстантивом *konanie*, а также грамматические значения времени, наклонения, лица), в большей или меньшей степени восполняются контекстуально [1, с. 121]; [30, с. 11]. Употребление номинализированных конструкций, являющихся средством **синтаксической конденсации** текста и характерных, прежде всего, для книжных стилей языка, повышает информативный потенциал предложения (текста), избавляя его от избыточной с точки зрения говорящего информации, балласта слов, перегруженности обособленными оборотами или придаточными [21, с. 393]; [29, с. 28]; [35, с. 180].

Механизм рассматриваемой операции, впрочем, не всегда трактуется однозначно, причём даже в самой генеративистике [11; 23; 25; 39]. В настоящей статье мы взяли за основу понимание

трансформации, выработанное в русле теории генеративной семантики (подробней см. П. Сгалл [31], Я. Паневова [28]) и находящее отражение в «негенеративистских» разысканиях Т. А. Ацаркиной [2], П. Адамца [8], К. Бузашиовой [12], Ф. Данеша [15], Я. Пузыниной [30]. Глагольная и номинализированная конструкции признаются синонимичными вариантами языковой реализации единого абстрактного семантического инварианта (пропозиции), а трансформационная связь между ними есть не что иное, как специфический тип парадигматических системных отношений [15, с. 93], т. е. отношений регулярной взаимозамены (далее обозначается символом '↔'). Ср.: [*to, že som nečestne konal* ↔ *nečestné konanie*] ← '[Я / Субъект + нечестно + поступать / Предикат]' (приблизительное обозначение пропозиции согласно примерам П. Адамца [8]). Лишение глагольной конструкции статуса первообразной в пользу абстрактной «семантической записи», свободной от каких-либо формальных ограничений, позволяет причислить к трансформациям случаи конкуренции ГС с инфинитивом типа чешск. *Losování bylo zbytečné* (Бросание жребия было лишним) ↔ *Losovat bylo zbytečné* (Бросать жребий было лишним), польск. *Zaczął czytać* (Он начал читать) ↔ *Zaczął czytanie* (Он начал чтение) [24, с. 90]; [30, с. 19].

Некоторые учёные трактуют трансформации слишком широко, распространяя данное явление на несинонимичные, по нашему мнению, предложения, см.: *Eva nechtěla vyvolat v Petrovi dojetí* (Ева не хотела вызвать у Петра чувство расстроганности) ↔ *Eva nechtěla, aby Petr byl dojat* (Ева не хотела, чтобы Петр расстрогался) [2, с. 33]. В силу этого, вслед за П. Сгаллом, Я. Паневова, К. Бузашиовой, мы придерживаемся жёстких критериев синонимичности, согласно которым, помимо закономерной тождественности предикатно-аргументной структуры, обе конструкции не должны отличаться набором лексических единиц (знаменательных слов) [12, с. 26]; [28, с. 26]; [31, с. 462–465]. В качестве исключения допускается взаимозамена приглагольного наречия на *-e(ě)/-os* однокоренным прилагательным (см.: *nečestne konat* ↔ *nečestné konanie*) или добавление в состав глагольной конструкции элемента, выражающего субъект действия, напр.: словацк. *Po zdravom zauvažovaní fotograf rád vydal snímky votrelcom* ↔ *Keď fotograf zdravo zauvažoval, rád vydal snímky votrelcom* (Трезво поразмыслив, фотограф охотно выдал снимки чужакам) [36, с. 84].

Несмотря на распространённость глагольных существительных в научном, публицистическом, официально-деловом стилях чешского языка [21, с. 395]; [35, с. 123], отбор контекстов для анализа их видовой семантики дал весьма скромные результаты. Перебрав множество вариантов, мы остановились на восьми (см. Таблицу 1).

Контексты для проверки видовой соотносительности ГС

№	Контекст	Пример (корпус SYN)
1.	začít, začínat s vykonáváním čeho ↔ začít, začínat vykonávat co (начать, начинать выполнение чего-л. ↔ начать, начинать выполнять что-л.)	<i>Německá firma... začne s nabíráním lidí v lednu příštího roku↔...začne nabírat lidi v lednu... (Немецкая фирма начнёт набор людей в январе будущего года ↔ ...начнёт набирать людей...)</i>
2.	přestat, přestávat s vykonáváním čeho ↔ přestat, přestávat vykonávat co (прекратить, прекращать выполнение чего-л. ↔ прекратить, прекращать / перестать, переставать выполнять что-л.)	<i>Dobrovolní hasiči nepřestávají s odčerpáváním vody, která zatopila asi 15 sklepů na Zbraslavi↔... nepřestávají odčerpávat vodu ... (Пожарные-добровольцы не прекращают откачку воды, которая затопила примерно 15 погребов в Збраславе ↔ ...не прекращают откачивать воду...)</i>
3.	Někdo tráví, stráví čas / noc / život atd. vykonáváním čeho↔...tím, že vykonává, vykonával co (Кто-л. проводит, провёл время, ночь и т. д. за выполнением чего-л. / Кто-л. занимается в жизни выполнением чего-л. ↔ ... (за) тем, что выполняет, выполнял что-л.)	<i>Dřevo rychle hoří, a tak děda tráví celou zimu nošením dřeva z kůlny a přikládáním do kotle↔...tráví celou zimu tím, že nosí dřevo z kůlny a přikládá do kotle (Древесина быстро горит, и поэтому дедушка всю зиму занимается ношением дров из сарая и подкладыванием их в котёл ↔ ...тем, что носит дрова... и подкладывает их в котёл)</i>
4.	Někdo si krátí čas / čekání atd. vykonáváním čeho↔...tím, že vykonává co (Кто-л. коротает время, ожидание и т. д. (за) выполнением чего-л. ↔ ... (за) тем, что выполняет что-л.)	<i>Vesnická děvčata si při pastvách krátí chvíle vitím věnečků z lučních květin↔...tím, že vila věnečky... (Деревенские девочки, когда пасли скот, коротали время плетением веночков из луговых цветов ↔ ...тем, что плели веночки...)</i>
5.	Někdo se živí vykonáváním čeho↔...tím, že vykonává co (Кто-л. зарабатывает, живёт выполнением чего-л. ↔ ...тем, что выполняет что-л.)	<i>Po střední škole jsem se živila kreslením titulků k televizním inscenacím↔...jsem se živila tím, že kreslila titulky... (После средней школы я зарабатывала рисованием заголовков к телевизионным инсценировкам ↔ ...тем, что рисовала заголовки...)</i>
6.	Někdo si vydělává, přivydělává vykonáváním čeho↔...tím, že vykonává co (Кто-л. зарабатывает, подрабатывает выполнением чего-л. ↔ ...тем, что выполняет что-л.)	<i>O víkendech <Evžen> si přivydělává v hypermarketech vybalováním zboží↔...tím, že vybaluje zboží (По выходным Эвжен подрабатывает в гипермаркетах распаковыванием товаров ↔ ...тем, что распаковывает товар)</i>
7.	záliba ve vykonávání čeho ↔ záliba vykonávat co (увлечение выполнением чего-л. ↔ увлечение, хобби, пристрастие выполнять что-л.)	<i>K tomuto žánru ho přivedla záliba ve shromažďování faktů o neobvyklých jevech↔...záliba shromažďovat fakty... (К этому жанру его привело увлечение сбором фактов о необычных явлениях ↔ ...увлечение собирать факты...)</i>
8.	neustálé, věčné vykonávání čeho ↔ neustále, věčně vykonávat co (постоянное, непрерывное, вечное выполнение чего-л. ↔ постоянно, непрерывно, вечно выполнять что-л.)	<i>...Já začínám mít ruce unavené z neustálého držení dalekohledu před očima↔...z toho, že neustále držím dalekohled před očima (У меня начинают уставать руки от непрерывного держания бинокля перед глазами ↔ ...от того, что я непрерывно держу бинокль...)</i>

Данные контексты максимально удовлетворяют принятым выше критериям, однако, как показывает корпус, универсальными их всё-таки назвать нельзя.

Все они, во-первых, далеко не всегда обеспечивают возможность трансформации глагольного существительного, хотя обусловлено это в большей степени особенностями

языкового функционирования самого ГС, обладающего флективными свойствами типичных существительных. Невозможность, недостоверность или неясность трансформации может быть вызвана, в частности, такими факторами:

а) несовпадение субъектов действия ГС и глагола-сказуемого: *Co myslíte, kdy by měli rodiče*

začít s **plaváním** kojenců? (Как Вы думаете, когда родителям следовало бы начать с приобщением грудных детей к плаванию?) ↔ *...začít plavat kojence?;

б) наличие при ГС определяющих слов, которые не имеют эквивалентов в соотв. глагольных конструкциях: „Kluci z vládní koalice by už měli přestat s **takovým vytahováním** králíků z klobouku,“ miní místopředseda ODS Jan Zahradil («Ребятам из правительственной коалиции уже следовало бы прекратить такое доставание кроликов из шляпы», – считает заместитель председателя ГДП Ян Заградил) ↔ ...přestat < ? > vytažovat králíky...?;

в) вхождение ГС в ряды однородных членов, выраженных существительными с конкретно-предметной семантикой или именами действия других словообразовательных типов: *Má tři děti, volný čas tráví s **rodinou**, **hraním** ragby, rád také zajde do fitness* (У него трое детей, свободное время он проводит с семьёй, за игрой в регби, с удовольствием также посещает фитнес) ↔ ...čas tráví s rodinou, (a?) tím, že hraje ragby, ...?; *Jejich růstu... <polypů> nahrává mužská záliba v **pítí** piva a **konzumaci** tučných a masitých jídel* (Поступлю способствуя увлечение мужчин питьём пива и употреблению жирных и мясных блюд) ↔ ...mužská záliba pít pivo a konzumovat jídla?

г) двузначность конструкций *začí(na)t s čím* и *(s)trávít co čím*, могущих параллельно репрезентировать различные в смысловом и структурном отношении контексты: „*Začnete s **vyrovnáním** hladiny hormonů,*“ *odpověděla jsem* («Мы начнём с выравнивания уровня гормонов», – ответила я) ↔ *Začnete vyrovnávat hladinu...* (Мы начнём выравнивать уровень...) или *Začnete s tím, že vyrovnáte hladinu...* (Мы начнём с того, что выравниваем уровень...); *...Koupil auto zhruba před deseti lety a strávil stovky hodin **uvedením** ferrari do původního stavu* (Он купил авто лет десять назад и провёл сотни часов за восстановлением феррари до первоначального состояния) ↔ ...*tím, že uváděl...* (...за тем, что восстанавливал...) или ...*tím, aby uvedl...* (...за тем, чтобы восстановить...).

Приведённые употребления глагольного существительного остались за пределами рассмотрения, включая даже структуры с именами действия других типов. Практика отнесения единиц *konzumace*, *hra* «игра», *plavba* «плавание» к кругу трансформов в славистике хоть и распространена [21; 28; 37], но, по причине их нерегулярного образования от глаголов, непоследовательного сохранения глагольных аргументов, большей склонности к обретению предметных значений, представляется сомнительной [23, с. 20–21]; [34, с. 13–16]; [39, с. 18–22;]. Случаи неоднозначной интерпретации ГС в сочетаниях с глаголами *začí(na)t*, *(s)tráví* немногочисленны и носят, в целом, периферийный характер; поэтому контексты 1 и 3 являются весьма объективными. Кроме того, для обеспечения у субстантивов чёткой трансформационной истории мы оформляли каждый конкретный поисковый запрос в корпусе SYN с дополнительными тэгами [tag="N...2.*"] и [tag="N..S.*"], что

позволило отсеять формы, употребляющиеся во множественном числе и не имеющие зависимого слова–дополнения со значением объекта или субъекта действия. С этой же целью контекст 8 был сужен до конструкций с предложениями: *při neustálém **zvyšování** objemu dat* (*npu* постоянном повышении объёма данных), *poukázat na neustálé **neplnění** slibů* (указать на постоянное неисполнение обещаний).

Во-вторых, несмотря на то, что все восемь контекстов актуализируют значения незавершённости, длительности, повторяемости действия, подкрепляемые употреблением глаголов несовершенного вида, в большинстве из них (контексты 3–7) могут встречаться глаголы совершенного вида. Последние, впрочем, в таком синтаксическом окружении достаточно редки (для каждого контекста в корпусе фиксируется от 20 до 30 вхождений) и выступают, к тому же, в особых контекстуальных условиях:

а) при обозначении регулярных, повторяющихся действий [5, с. 34], что подчёркивается наречиями *občas* «время от времени», *často* «часто», выражениями типа *každé ráno* «каждое утро»: *Ted' je nezaměstnaný. Vydělává si tím, že si **občas** zahraje za starou gardu* (Сейчас он безработный. Зарабатывает тем, что время от времени играет за старую гвардию);

б) когда способ заработка, пропитания, предмет занятия или увлечения подразумевает не единичное действие, а комплекс взаимосвязанных, сменяющих друг друга действий / событий: *Nyní je **mojí největší** zálibou přijít domů, svalit se a tupe, bez přemýšlení zírat na televizi* (В настоящее время я предпочитаю прийти домой, свалиться и тупо, не задумываясь, смотреть телевизор).

Что касается контекста 8, то наречия *neustále*, *věčně* сочетаются только с причастными формами глаголов совершенного вида, причём в примерах *Krása **být** věčně ukryta nemůže* (Красота не может быть вечно скрытой), *Díky **spodní** vodě je sklep neustále zaplaven...* (Из-за грунтовых вод погреб постоянно затоплен) выражается не завершённое действие, а состояние.

Отобранные контексты как средство идентификации видовой семантики глагольного существительного, тем не менее, вполне надёжны: все они, так или иначе, характеризуются аспектуальной однозначностью и актуализируют семантику несовершенного вида².

Проведённый анализ на базе корпуса SYN показал, что видовая форма чешского глагольного существительного, как правило, совпадает с аспектуальной семантикой всех восьми контекстов: в подавляющем большинстве случаев в них фигурируют субстантивы, мотивированные глаголами

² Контекст *během **vykonávání** čeho* (во время выполнения чего-л.) [40, с. 216] мы во внимание не брали, т. к. эквивалентная глагольная конструкция *Když někdo **vykonává** co* (Когда кто-л. выполняет что-л.) / *Když se něco **vykonává*** (Когда что-л. выполняется) к виду не чувствительна.

несовершенного вида (см. полученные результаты в Таблице 2).

Таблица 2

Характер употребления форм ГС в контекстах, актуализирующих грамматическое значение несовершенного вида

№	Контекст	Общее количество вхождений ГС	Количество вхождений ГС, мотивированных глаголами несовершенного вида	Количество вхождений ГС, мотивированных глаголами совершенного вида
1.	<i>začít, začínat s čím</i>	4222	3986 / 94,4 %	236 / 5,6%
2.	<i>přestat, přestávat s čím</i>	321	321 / 100 %	–
3.	<i>trávit, strávit co čím</i>	3607	3583 / 99,3%	24 / 0,7%
4.	<i>krátit co čím</i>	725	721 / 99,4 %	4 / 0,6 %
5.	<i>živit se čím</i>	1567	1540 / 98,3 %	27 / 1,7 %
6.	<i>(při)vydělávat (si) čím</i>	949	934 / 98,4 %	15 / 1,6 %
7.	<i>záliba v čem</i>	545	537 / 98,5 %	8 / 1,5 %
8.	<i>neustálé, věčné co</i>	911	908 / 99,7 %	3 / 0,3 %
Суммарное количество		12847	12530 / 97,5%	317 / 2,5%

Корпусная статистика ясно свидетельствует о том, что **грамматическая семантика вида является неотъемлемой частью содержательной структуры чешского ГС.**

Судя по мизерным процентным показателям, субстантивы, мотивированные глаголами совершенного вида, в данных контекстах – явление маргинальное и несистемное. Круг подобных ГС, несмотря на внушительную суммарную численность, на самом деле не так уж широк. Примерно треть от общего числа их вхождений представлена фактически одними и теми же единицами: *zpracování* «обработка, переработка; разработка» (44 вх.), *zprostředkování* «посредничество» (19 вх.), *zajištění* «обеспечение, гарантия; укрепление, фиксация» (14 вх.), *omezení* «ограничение, сокращение» (9 вх.), *odstranění* «устранение, ликвидация» (8 вх.), *rozšíření* «расширение» (8 вх.), *předpěstování* «выращивание рассады» (7 вх.), *zabezpečení* «обеспечение, защита» (7 вх.). Остальные ГС, в частности *nastudování* «изучение, усвоение», *prověření* «проверка», *ozvláštňení* «делание чего-л. необыкновенным», *ubytování* «предоставление жилья, размещение по квартирам», исчисляются, в основном, 1-3-мя вхождениями. Нередко они выступают в одних сочинительных рядах с коррелятивными по виду субстантивами. Например:

• *Starostové... několik posledních let strávili sháněním dokumentace a podrobným zpracováním svých záměrů...* (Мэры последние несколько лет провели за сбором документации и детальной разработкой своих замыслов);

• *Už jsme začali s rozšířením sklepa, abychom mohli našeho piva vyrobit ještě víc...* (Мы уже начали расширение погреба, чтобы изготовить ещё больше пива);

Литература

• *Prvním nápadným rysem je autorova záliba v grafickém ozvláštňení textů* (Первой отличительной чертой является склонность автора придавать необыкновенный вид графическому оформлению текстов).

Не включались в статистику субстантивы «совершенного вида» с переосмысленным акциональным значением типа *ohledání* «осмотр, обследование», *vyšetření* «медицинское обследование, осмотр», *ošetření* «оказание помощи, уход», *pojištění* «страхование, страховка». Указанные единицы разрабатываются в словарях как самостоятельные статьи, имеют собственное толкование с характерными стилистическими пометами (термин, специальное выражение и т. д.) [7; 33], т. е. обозначают, согласно классификации Я. Пузыниной [30], действия-ситуации. То же касается ГС *ohrožení* «угроза, опасность», *obležení* «осада», *spojení* «соединение, связь» со значением состояния.

Таким образом, чешские глагольные существительные на *-ní/-tí*, выступающие в трансформируемых синтаксических конструкциях, в полной мере наследуют грамматическую категорию вида производящего глагола. Корреляты типа *nalévání – nalití* передают видовое противопоставление совершенности и несовершенности действия, как правило, очень последовательно, и их употребление напрямую зависит от актуальной семантики контекста. Разрушение видовой соотносительности фиксируется у пар *zpracovávání – zpracování*, *zprostředkovávání – zprostředkování*, *zajišťování – zajištění*, но эти случаи единичны и общей тенденции кардинально не противоречат.

Перспективу исследования мы видим в проведении аналогичного анализа в отношении той части глагольных существительных, которые выступают в нетрансформируемых синтаксических конструкциях.

1. Ацаркина Т. А. Влияние категории вида на формирование общей семантики отглагольных существительных на *-ní, -tí* в современном чешском языке / Т. А. Ацаркина // *Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich : budowa, semantyka i funkcjonowanie*. – Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1985. – S. 121–141.
2. Ацаркина Т. А. Интенционная структура отглагольных существительных и их синтаксическое функционирование в чешском языке / Т. А. Ацаркина // *Вестник московского университета : Серия 9. Филология*. – 1985. – №2. – С. 33–40.
3. Гнатюк Г. М. Дієприкметник в сучасній українській літературній мові / Г. М. Гнатюк. – К. : Наукова думка, 1982. – 248 с.
4. Лопатин В. В. Адъективация причастий в её отношении к словообразованию / В. В. Лопатин // *Вопросы языкознания*. – 1966. – №5. – С. 37–47.
5. Петрухина Е. В. Категория глагольного вида и транспозиция морфологических форм (на материале чешского языка в сравнении с русским) / Е. В. Петрухина // *Вестник московского университета. Серия Филология*. – 1977. – № 6. – С. 32–41.
6. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский; пер. с англ. А. Е. Кибрика, В. В. Раскина, В. И. Шовкуна; под. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Издательство московского университета, 1972. – (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия Переводов; вып. 1).
7. Чесько-український словник : у 2 т. / [уклад. Й. Ф. Андерш та ін.]. – К. : Наукова думка, 1988 – 1989.
8. Adamec P. Složené propozice a jejich syntaktické realizace v ruštině / P. Adamec // *Slovo a slovesnost*. – 1978. – roč. 39, č. 3-4. – S. 278–280.
9. Baláž G. Abstraktné deverbatíva v ruštině, slovenčine a češtině / G. Baláž // *Sovětská jazykověda*. – 1954. – roč. 4, č. 1. – S. 12–21.
10. Bartnicka B. Adiektywizacja imiesłowów w języku polskim / B. Bartnicka. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. – 189, [2] s.
11. Buzássyová K. Gnozeologický a ontologický aspekt lingvistických operací (transformácie a parafrázy) / K. Buzássyová // *Jazykovedný časopis*. – 1984. – roč. 35, č. 2. – S. 121–133.
12. Buzássyová K. Názvy deja a názvy vlastnosti v transpozicnej a nominačnej funkcii / K. Buzássyová // *Jazykovedný časopis*. – 1982. – roč. 33, č. 1. – S. 21–35.
13. Čeština – řeč a jazyk / M. Čechová a kol. – 2. vyd. – Praha : ISV nakladatelství, 2000. – 407 s.
14. Damborský J. Neurčitě a jmenné tvary slovesné v polštině / J. Damborský. – Praha : Státní Pedagogické Nakladatelství, 1967. – 79 s.
15. Daneš F. Věta a text : studie ze syntaxe spisovné češtiny / F. Daneš. – Praha : Academia, 1985. – 236 s.
16. Dickey S. M. Aspect and Verbal Noun in Slavic / S. M. Dickey // *Зборник матице српске за филологију и лингвистику*. – 1995. – књ. 38, св. 2. – С. 19–41.
17. Dokulil M. K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice / M. Dokulil // *Slovo a slovesnost*. – 1982. – roč. 43, č. 4. – S. 257–271.
18. Dokulil M. K překládání slovesného vidu / M. Dokulil // *Kniha o překládání : příspěvky k otázkám překladu z ruštiny*. – Praha : Nakladatelství československo-sovětského institutu, 1953. – S. 217–228.
19. Galton H. The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect / H. Galton. – Skopje : Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1976. – 307 p.
20. Havránek B. Česká mluvnice / B. Havránek, A. Jedlička. – 4 vyd., přeprac. – Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1981. – 568 s.
21. Jelínek M. Funkce a vývoj syntaktických kondenzátorů v slovanských jazycích / M. Jelínek // *Otázky slovanské syntaxe: Sborník symposia «Strukturální typy slovanské věty a jejich vývoj», 20-22.X.1966, Brno. Č. II / Hl. red. J. Bauer*. – Brno : Universita J. E. Purkyně, 1968. – S. 389–395.– (Spisy filosofické fakulty; č. 133).
22. Jelínek M. Jména dějová / M. Jelínek // *Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen / Red. F. Daneš, M. Dokulil, J. Kuchař*. – Praha : Academia, 1967. – S. 562–653.
23. Karlík P. Ještě jednou k českým deverbálním substantivům / P. Karlík // *Čeština – univerzália a specifika 4 / Z. Hladká, P. Karlík*. – Praha : Lidové noviny, 2002. – S. 13–23.
24. Křížková H. Substantiva s dějovým významem v ruštině a v češtině / H. Křížková // *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III: O ruském slovese*. – Praha : Academia, 1968. – S. 81–152.
25. Macháčková E. K jednotlivým typům transformací v češtině / E. Macháčková // *Slovo a slovesnost*. – 1992. – roč. 53, č. 4. – S. 273–281.
26. *Mluvnice češtiny (2) : Tvarosloví/ M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr (vedoucí), J. Veselková a kol.* – 1 vyd. – Praha : Academia, 1986 – 536, [3] s.
27. Otfinowski A. Aspekt odśownika jako czlonu określanego lub określajacego w niektórych związkach z przydawką / A. Otfinowski // *Zeszyty naukowe uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczno-społeczne*. – 1970. – Zesz. 38 : *Filologia polska VIII*. – S. 103–114.
28. Panevová J. Formy a funkce ve stavbě české věty / J. Panevová. – Praha : Academia, 1980. – 222 s. – (Studie a práce lingvistické / Československá akademie věd; sv. 13).

29. Papierz M. Nominalizacje we współczesnym języku słowackim / M. Papierz. – Kraków : Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1982. – 66, [2] s. – (Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego; 590. Prace językoznawcze; zesz. 72).
30. Puzynina J. Nazwy czynności we współczesnym języku polskim : słowotwórstwo, semantyka, składnia / J. Puzynina. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1969. – 205 s.
31. Sgall P. Postavení sémantiky v generativním popisu jazyka / P. Sgall // Kybernetika. – 1966. – roč. 2, č. 5. – S. 457–467.
32. Slovenský národný korpus – prim-6.0-public-all. Bratislava : Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2013[Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://korpus.juls.savba.sk>
33. Slovník spisovného jazyka českého (1960–1971) / za vedení B. Havránka (hl. red.), J. Běliče, M. Helcla, A. Jedličky; digitalizovanou podobu zveřejnil lexikografický kolektiv Ústav pro jazyk český ČSAV 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ssjc.ujc.cas.cz/>
34. Soták M. Dejové substantíva v slovenčine a v ruštine / M. Soták. – Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1978. – 196 s.
35. Stylistika češtiny / J. Chloupek a kol. – Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1990. – 294 s.
36. Šimková M. O nominalizácii vedľajších časových viet / M. Šimková // Slovenska reč. – 1989. – roč. 54, č. 2. – S. 79–88.
37. Topolińska Z. Mechanizmy nominalizacji w języku polskim / Z. Topolińska // Studia gramatyczne I / Red. Z. Topolińska. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. – S. 175–212. – (Prace Instytutu języka polskiego; № 25).
38. Trávníček F. Mluvnice spisovné češtiny : ve 2 část. / F. Trávníček. – 3 vyd., V Slovanském nakl. 1., opr. a dopl. – Praha : Slovanské nakladatelství, 1951. – Část II : Skladba. – 1951. – S. 617–1497. – (Slovanské jazykovědné příručky; sv. 2).
39. Veselovská L. K analýze českých deverbálních substantiv / L. Veselovská // Čeština – univerzália a specifika 3: Sborník konference v Brně 22.-24.11.2000 / Eds. Z. Hladká, P. Karlík. – Brno : Masarykova univerzita, 2001. – S. 11–27.
40. Veselý L. Testy pro zjišťování vidové hodnoty vidového paradigmatu slovesa (indikátory slovesného vidu) / L. Veselý // Slovo a slovesnost. – 2008. – roč. 69, č. 3. – S. 211–220.

Андрей СКОПЛЕВ

O VIDOVOM PROTIVOPOSTAVLENÍ ČEŠSKÝCH AKCIONÁLNÝCH SUBSTANTIVOV TIPIA NALÉVÁNÍ – NALITÍ

Аннотация. Стаття посвящена проблеме наследования чешскими глагольными существительными на *-ni/-tí* грамматической категории вида производящего глагола. Объект исследования составляют субстантивы в синтаксических конструкциях, связанных отношениями трансформации с синонимичными глагольными структурами. Проанализировано более 10 тысяч форм глагольных существительных на материале синхронического корпуса чешского языка SYN. Установлено, что формы глагольных существительных последовательно передают видовое противопоставление совершенности и несовершенности действия, а их употребление зависит от аспектуальной семантики контекста.

Ключевые слова: глагольное существительное, категория вида, номинализация, аспектуальный контекст.

Andrey SKOPLÉV

ON THE ASPECTUAL OPPOSITION OF CZECH ACTION NOMINALS LIKE NALÉVÁNÍ – NALITÍ

Summary. The article highlights the problem of imitating the grammatical category of the perfect vs. non-perfect aspect of the verb by Czech verbal nouns ending in *-ni/-tí*. These substantives in syntactic constructions constitute the object of the study and reveal transformational reference to synonymous verbal structures. More than 10 thousand forms of verbal nouns were analyzed in the material of the SYN corpus of the Czech language. It has been determined that the forms of the considered verbal nouns consistently render the aspectual opposition of the action being perfect vs. non-perfect and their use depends on the aspectual context semantics.

Key words: verbal noun, the category of aspect, nominalization, aspectual context.

Стаття надійшла до редакції 4.13.2017 р.

Скоплев Андрій Олександрович – старший викладач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет» (м. Бахмут, Донецька обл., Україна).